

Цуй Сянь откинулся на заднем сиденье такси, а перед глазами у него снова и снова всплывал показанный по телевизору в полицейском участке синий туристический автобус, разбившийся о гору. Склон был залит кровью и усеян оторванными конечностями - точь-в-точь как в ту ночь, когда он увидел призрачную машину в густом тумане.

В желудке снова всё болезненно перевернулось.

Таксист оглянулся на молодого человека, который только что вышел из полицейского участка и с тех пор, как сел в машину, не произнёс ни слова.

— Эй, приятель, за что тебя туда забрали? Главное признать ошибку и исправиться, потом жить как следует. Только духом не падай.

Цуй Сянь цыкнул зубом, не зная, что ответить. За что его туда забрали? За то, что он встретил призраков! Вчера по государственной трассе его всю дорогу преследовал автобус, который к тому времени уже разбился о гору и был полон мертвецов. Расскажи он такое, кто бы поверил?

Поэтому в конце концов Цуй Сянь ничего не сказал. Он провёл ладонью по лицу, пытаясь окончательно прийти в себя, и произнёс:

— Водитель, в район Шоуян города Чжоушань, улица Лянъи, дом семьдесят шесть.

Услышав адрес, таксист, до этого улыбавшийся, вдруг застыл:

— Улица... Лянъи? Ты уверен?

У Цуй Сяня не было настроения шутить с этим болтливым водителем. Сейчас он хотел лишь спокойно вернуться в старую родовую бакалейную лавку и держаться подальше от всех этих странных и смертельно опасных происшествий. Ему не терпелось добраться туда, поэтому он просто вытащил из кармана все наличные и протянул их вперёд.

— Да, переулок Лянъи, дом семьдесят шесть. Поезжайте скорее.

Таксист посмотрел на толстую пачку денег, немного поколебался и всё же взял её.

— Поехать могу, но сразу договоримся: довезу только до входа в переулок. Внутрь не поеду.

Цуй Сянь нахмурился:

— Денег мало?

— Да нет. Просто сразу видно, что ты не местный. В нашем Чжоушане есть четыре призрачные улицы, и переулок Лянъи - одна из них. Там уже давно почти никто не живёт, мы туда вообще стараемся не ездить. И зачем тебе понадобилось такое место?

Услышав это, Цуй Сянь встревожился. Как могло оказаться, что старая родовая лавка, о которой говорил дед, находится на призрачной улице?

Но идти ему больше было некуда. Пинъанькоу раскололся, и теперь у Цуй Сяня не осталось ни единого защитного талисмана. Он невесело усмехнулся: где бы он ни находился, жизнь всё равно висела на волоске, так что в конце концов он решился.

— Ладно, посадите меня у входа в переулок.

Водитель больше ничего не сказал. В конце концов, добрым словом не спасёшь того, кому суждено погибнуть, да и деньги заработать можно.

Всю дорогу они молчали. Небо постепенно темнело, и вскоре заморосил дождь. Летом в Чжоушане осадки всегда были липкими и тягучими, воздух пропитывался сыростью, и человеку без всякой причины начинало казаться, будто он сам покрылся плесенью. Район Шоуян находился довольно далеко от центра. Машина всё дальше уходила от шумных городских улиц, а редкие фонари вдоль дороги едва светили. Дождь становился всё сильнее, размывая очертания за окнами и отделяя салон от внешнего мира. От монотонного шума клонило в сон.

Веки Цуй Сяня налились тяжестью, и он ненадолго прикрыл глаза, откинувшись на заднее сиденье. Но вдруг его нос едва заметно дрогнул: откуда-то тянуло сырой, рыбной плесенью. Он поднёс к лицу рукав и понюхал - запах исходил не от него.

Чем сильнее лил дождь, тем гуще становилась вонь. Под ногами тоже сделалось влажно. Цуй Сянь опустил взгляд и обнаружил, что салон наполнился водой, уже незаметно поднявшейся до щиколоток.

Он лишь перевёл взгляд, не выказывая тревоги.

— Водитель, далеко ещё до переулка Лянъи?

Прежде болтливый и бесцеремонно дружелюбный таксист словно превратился в другого человека и не произнёс ни слова.

Цуй Сянь отстегнул ремень безопасности.

— Остановите здесь. Я выйду.

Только тогда «водитель» наконец повернул голову. Всё его тело побелело и разбухло от воды. С влажным хрустом он развернул распухшую голову на сто восемьдесят градусов и уставился прямо на Цуй Сяня, обнажив обломанные зубы. Пока он говорил, изо рта непрерывно лилась грязная вода.

— Ты уже давно приехал. Разве это не то самое место?

В голове Цуй Сяня словно что-то взорвалось с оглушительным гулом. Глядя на чудовищную картину перед собой, он машинально поднял правую руку и ударил. Голова «водителя» с глухим хлопком вмялась больше чем наполовину. Цуй Сянь тут же развернулся и с размаху пнул дверь. Он вложил в удар всю силу, думая, что запертую дверь с одного раза наверняка не выбить. Но та оказалась словно бумажной и с тихим треском легко разлетелась на части.

Не успев остановить движение, Цуй Сянь мгновенно вывалился с заднего сиденья в тёмный переулок.

Но «водитель» в машине лишь придержал рукой голову, переломленную пополам, так что наружу показался позвоночник, а затем, опустившись на четвереньки, безумно бросился в погоню за Цуй Сянем. Загнанный в глухой переулок, Цуй Сянь не имел иного выбора, кроме как вскочить и, спотыкаясь, бежать вперёд.

Прошло совсем немного времени, как со стен по обе стороны к нему потянулись бесчисленные бледные руки. Ногти на них были длиной в три цуня и алели кроваво-красным. От этого смрад сырого дождя стал ещё гуще. Цуй Сянь задержал дыхание. Эти руки не раз дёргали его так, что он падал, но он всякий раз упрямо поднимался и не останавливался ни на миг. Он чувствовал: стоит хоть одной такой руке по-настоящему ухватить его, выбраться уже не удастся.

Неизвестно, сколько он бежал, лёгкие уже будто готовы были разорваться, когда вокруг наконец стало понемногу стихать. Тяжело дыша, Цуй Сянь огляделся по сторонам, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь путь к спасению. Но как ни метался, всякий раз он снова возвращался на то же место, словно попал в морок, где духи водят человека кругами.

В спешке он вдруг поднял голову и увидел на низком уличном указателе три проржавевших иероглифа - «переулок Лянъи». Выходит, он и впрямь сам того не заметив добрался до места назначения. Но в какой именно момент угодил в эту западню, Цуй Сянь не знал.

Однако что-то было не так. Дед ведь говорил о «переулке Лянъи» в значении «двух первооснов», так почему же здесь оказался «переулок Лянъи» в значении «двух праведностей»?*

(ПП: Это игра слов, основанная на созвучии 二 и 里.)

Он как раз опустил голову, погружённый в размышления, когда краем глаза заметил в

дождевой луже у своих ног отражение собственного лица. Лицо, которое он каждый день видел в зеркале, сейчас казалось до жути чужим, почти неузнаваемым. И вдруг это лицо исказилось выражением, противоположным его собственному: оно растянуло губы в мрачной усмешке, будто понимало, что именно смущает Цуй Сяня, а затем неожиданно заговорило:

— Потому что в переулке Лянъи нет людей, только призраки, хи-хи-хи.

С этими словами из лужи показались две бледные руки. Они мёртвой хваткой вцепились Цуй Сяню в лодыжки и потянули его вниз.

Обе его голени уже наполовину ушли в лужу, но в этот миг из безмерного ужаса вдруг поднялась ярость, и от этой ярости по всему телу разлилось жаркое тепло. Неужели этому не будет конца? Всю первую половину своей жизни он изо всех сил скрывался, изо всех сил старался стать самым обычным, изо всех сил мечтал о спокойных днях, изо всех сил цеплялся за жизнь.

Так почему же это оказалось настолько трудно?

Он окинул взглядом всё то, что со всех сторон надвигалось к нему, затем поднял голову и посмотрел на указатель рядом с надписью «переулок Лянъи».

И вдруг Цуй Сянь рассмеялся:

— Раз в переулке Лянъи нет людей, тогда я сам сделаю так, чтобы они там были!¹

С этими словами он прокусил кончик языка и с силой выплюнул на табличку глоток крови с кончика языка, а затем, обмакнув правую руку в собственную кровь, с усилием вывел рядом с иероглифом «справедливость» (□) недостающий ключ «человек» (□), превратив его в кровавый иероглиф «начало» (□)..

Тёмно-алая кровь потекла вниз по вертикальной черте этого ключа, ложась пятнами и разводами. От одного этого штриха словно перевернулись небо и земля.

От боли в кончике языка у Цуй Сяня закружилась голова, но именно в этот момент он услышал, как со всех сторон раздались потрясённые крики.

— А-а! Цуй... род Цуй, это род Цуй!

После короткого хаоса, паники и душераздирающего воя призраков вся окружающая жуть и мрачная иньская ци исчезли без следа. Цуй Сянь почувствовал, как всё тело внезапно стало лёгким. Когда он снова открыл глаза, то уже стоял у входа в переулок. Дождь давно прекратился, оранжево-жёлтый свет фонаря на углу веял мягким теплом. За его спиной кто-то из молодых людей возвращался с работы на электроскутере, а старики неторопливо

выгуливали собак.

Самая обычная картина человеческого мира. Но для Цуй Сяня в этот миг она казалась особенно драгоценной.

Придя в себя, он поднял голову и увидел, что табличка на стене теперь была чистой и аккуратной, а на ней значилось всего три иероглифа - переулочек Лянъи.

Цуй Сянь облегчённо выдохнул. Наконец-то он добрался.

Дойдя до самого конца переулочка Лянъи, он поднял глаза и увидел толстую шелковицу в несколько сотен лет. Она возвышалась посреди просторной, чисто расчищенной земляной площадки, раскинув пышные ветви, словно широкий зелёный шатёр. Ночной ветер донёс свежий, влажный воздух с тонким ароматом трав и деревьев. Он наполнил дыхание Цуй Сяня и заметно облегчил тяжесть, так долго сдавливавшую грудь.

Где-то среди ветвей, неизвестно в каком месте, словно были подвешены колокольчики. Теперь они мелко и звонко звенели над стоявшим под деревом Цуй Сянем: «динь-линь, динь-линь». Вместе с тихим шелестом листьев этот звон будто приветствовал ребёнка, который слишком долго не возвращался домой. Из-за тонких облаков выглянул край луны. Чистый лунный свет, подобный лёгкой вуали, рассыпался вниз, прошёл сквозь колышущиеся тени ветвей и лёг на небольшой дворик со старыми кирпичными стенами и ветхой черепичной крышей неподалёку от шелковицы.

Цуй Сянь остановился у ворот и принялся внимательно рассматривать их в тусклом лунном свете. На каждой из двух выцветших красных створок покоилось по искусно отлитому бронзовому Цзяюту. Драконьи сыновья служили дверными накладками и держали в пастьях кольца, словно сурово охраняя вход. Пусть их уже покрывал толстый слой пыли, в них всё ещё угадывалось былое величие.

Чуть выше над воротами висела грубо обструганная, обшарпанная деревянная дощечка с торчащими щепками. На ней небрежными мазками чёрной краски были выведены пять знаков: «Бакалейная лавка семьи Цуй».

Цуй Сянь посмотрел на изящные ворота и совершенно не подходившую к ним вывеску из грубой доски и покачал головой. Затем шагнул вперёд и медленно распахнул створки.

И тихо произнёс:

— Я вернулся.